

Русские женщины - это отравленные берёзки: хочешь напиться весеннего сока, а течёт одна мутная желчь. Многие теперь носят парики, потому что на химии. Эпидемия рака накрыла страну с головой. Флюиды бессилия и ненависти неизменно перерождаются в раковые клетки. Русские мужчины - это философы и властители мира. Они мастерски, с интеллектом больного шизофренией профессора подводят основательную базу под теорию уничтожения всех европейских народов. Их бог - Сталин, потому что он убивал - много, массово, безнаказанно, они тоже мечтают об этом. Это так называемая русня, которая изуродовала городские парки, в которых я любил гулять, сочиняя стихи. Теперь там везде дешёвые поспешные скульптуры военных с семьями и без, посвящения погибшим солдатам, какие-то таблички с никому не известными именами, советской и новомодной символикой и, конечно, камеры на каждом столбе. Иногда встречаются выставочные нагромождения военной техники, по ним ползают редкие малыши, которых осмелились народить ядовитые берёзки за пособие матерям будущего пушечного мяса. На улицах городов многочисленные билборды с непривлекательными портретами погибших, имён которых никто не запоминает, потому что это лишняя информация. Имя человека, который ничего не создал, а просто погиб за деньги в чужой стране – даже для "великих русских" лишняя информация. И кругом реклама: «Мужская работа», зазывающая никудышных провинциалов за европейскую зарплату на войну, словно мужчина создан для того, чтобы убивать, а не создавать. Подмена понятий для нации, у которой и так не осталось потенциала, которая почти выродилась.

В подъезде снова женские крики - это очень молодая вдова погибшего наёмника делит с его матерью вознаграждение за его смерть. Примешивается мужской баритон – у молодой вдовы новый мужик. Блондинка только недавно въехала в четырёхкомнатную квартиру, поэтому неизвестно, жили они вместе или это полностью фиктивный брак. Возможно, погибший парень так ни разу и не познал ушлую пигалицу, как мы знаем, мошеннических схем с фиктивными браками очень много. Лично я видел её лишь мельком, но пенсионер Семён Лемаркович из квартиры напротив, который бредит возрождением СССР и критикует современную армию за чрезмерный либерализм в отношении бандеровцев, мимоходом просветил меня в части новой жилички. Сегодня четверг, но я отправляюсь на кухню за коньяком «Ararat Dvin», который позволил себе с заметно уменьшенной премии в честь профессионального праздника.

Мне сорок лет, у меня прекрасная фарфоровая улыбка, худощавое телосложение, трёхдневная щетина и неплохой гардероб. Живу в квартире, что завещала мне бабушка, с родителями почти не общаюсь. Я был женат на прекрасной женщине с необычным именем, младше меня на десять лет, которую завоевал поэзией, но испортил ей жизнь и бросил. Несмотря на небольшую зарплату, с виду я премиальный мужик и лакомый кусок для любой дешёвки, потому что похож сразу на всех голливудских актёров. Я слушаю винил, не курю и пахну туалетной водой «Lacoste L.12.12 Blanc», веду дневник, смотрю классику Голливуда и читаю оппозиционные каналы в Телеграмм.

Когда пьёшь коньяк, бокал должен быть идеально чистым, как душа скопца, даже если это вечер четверга. В предвкушении прекрасных минут причастия, ощущая запах благородного напитка, с чистейшим фужером меж пальцев под композицию английской

джаз-рок группы «Affinity» я плюхаюсь в кресло и на минуту закрывают глаза... Нет, это невозможно. Новые соседи отвратительно громко орут, нужно закрыть дверь в комнату. Я ставлю фужер и бутылку на журнальный столик и понимаю, что в коридоре осталось только два голоса: визжащий – пигалицы и мужской – её нового мужика. Я приближаюсь к дверному глазку, там скандал, но матери погибшего наёмника уже нет. Возможно, новый избранник узнал тайну блондинки и теперь кроет её последними словами. Я запахи халат ZIMMERLI (приобретённый для свиданий), и открываю дверь. При виде меня пара замолкает.

-Добрый вечер, соседи, что произошло? - с улыбкой я приветствую шумную пару.

-Да какое добрый, какие соседи?! - кидает на ходу мужик в дешёвой парке и, громыхая незашнурованными берцами, исчезает в лабиринте лестничной клетки. Блондинка откровенно пялится на меня, её юную мордашку осеняет улыбка вожделения.

- Извините, я просто избавлялась от назойливого ухажёра. Вы меня буквально спасли, – изыскано врёт мне милое создание, словно несколько секунд назад из её пухлых губ не вырывался трёхэтажный мат. Любая женщина имеет способность мгновенно меняться, становясь копией того, кого она хочет соблазнить, видимо сексуальная пигалица решила, что перед ней аристократ. Каждая так называемая тёлка владеет необходимым минимальным запасом информации о тачках, бизнесе, поэтах и писателях, компьютерных играх, роке, рэпе, чтобы при первой встрече подпеть самцу, убедив, что она с ним одной крови. Если речь пойдёт о совсем неведомых ей вещах, она будет слушать и запоминать, а потом всю ночь гуглить и заучивать наизусть имена футболистов, марки квадроциклов, названия музыкальных коллективов, или приёмы рыбалки – ни одна женщина не хочет жить одна, это скучно, стыдно, подруги сровняют с косметической глиной, поэтому потеряв одного, она сразу же ищет другого «единственного».

- Ну что же, рад, что помог. Приятного вечера. Меня же ждёт коньяк, – я закрываю дверь, захожу в комнату и включаю на ноутбуке видеозапись – незаметная камера под потолком. Жду. Естественно, спустя пару мгновений раздаётся робкий стук. Открываю. Снова она.

- У Вас правда коньяк? Не могли бы Вы поделиться? У меня руки после скандала трясутся.

Приглашаю войти, достаю второй фужер. Мы садимся в кресла. Она смотрит коньяк на просвет, изучая оттенок, покачивает бокал, принимает, делает глоток.

- О, какой хороший коньяк! – восклицает она, словно разбирается в благородных напитках.

После второго бокала она встаёт на колени и ползёт ко мне. Добирается до члена и начинает делать минет. Извините, пишу как есть. Потом мы бесстыдно сношаемся в самых немыслимых позициях и засыпаем прямо на коврике.

Утром, вежливо избавившись от соседки, я еду на работу. Моя контора в полной депрессии – средств нет ни на что. Бюджет муниципального предприятия в этом году сокращён в три раза, коллектив оптимизирован вдвое. Может оно и к лучшему, поубавилось бюрократов (а точнее пожилых бюрократок), которые работали ради работы, мешая тем, кто пытался сделать что-то реальное и полезное для общества. Все средства

государства направлены на СВО, но линия фронта не двигается – полное разочарование для тех, кто мечтал о тотальном истреблении европейских наций.

Щёлкаю выключателем, на потолке горит только четыре лампы – нет средств даже на обслуживание здания. Слава богу, скоро отпуск. Хорошо, что не дал соседке телефон – не будет мешать рабочему процессу. Как же там её зовут? А, пофиг. В отделе остался один я, поэтому вся непродуктивная и бессмысленная работа с отчётами и письмам свалилась на мою голову. Ну и прекрасно... день пролетает совершенно незаметно. О, уже 16 часов. С пятницей!

Вчера, открывая коньяк, успокаивал себя, что пятница будет трезвой. Но Вы же понимаете, что это невозможно. Останавливаюсь у супермаркета (я владелец новенькой «Весты»), покупаю недорогой виски, направляюсь к выходу, и тут гаснет свет. Осенние сумерки окутывают погасший город. Я включаю фары и еду домой. Звонок на мобильник. Приятель (друзей у меня, к счастью, нет) взволновано сообщает, что дроны атаковали ГРЭС, отключено электричество, вода, отопление. Понимаю, что мне пофиг. Моё место во дворе кто-то занял. Козлы бл-дь. Магнитный замок, естественно, не работает, в подъезде темень. Подсвечиваю айфоном, поймав себя на мысли, что до сих пор не знаю, где у него фонарик. Сосед Лемаркович шарится в распределительном щитке. Уточню, ударение на «а», то есть отца его звали Лемарк, от производных Ленин, плюс Маркс.

- Привет, Лемаркович. Не пытайся даже. Нет света во всём подъезде и, по-моему, в половине города. И воды, и отопления тоже нет. Дроны атаковали нашу ГРЭС.

Лемаркович, услышав меня, сильно возбуждается:

- Вот послушай, что я тебе скажу, Человек только тот, кто рождён Родиной, а от женщины появляется ребёнок. Слово ребёнок от еврейского ребе. Филологи утверждают, мол, от русского – роби, но, главное, что раб. Женщина делает всё, чтобы оставить его при себе. Вот, к примеру, наши вожди - Путин и Сталин, встали у власти, потому что были цельные, но тянуть с очищением не стоит. Есть деревенские мужики, которые точно знают: самка – не человек.

- О каком очищении ты говоришь, Лемаркович?

- А вот о каком, – ответил сталинист, показывая дрожащим пальцем в темноту. Я подсветил и увидел на полу за дверьми большой советский топор для разделки мяса.

- Шутишь, или серьёзно?

- Оба вождя отказались тешить своих жён. Надя Аллилуева застрелилась, а Люда вышла замуж за самца младше на двадцать лет. Для добра самок надо прилюдно казнить, но вожди не идут на это, потому что общество тварей не исповедует истину – баба не человек. Для казней надо признать евреев и самок нечеловеками, но все страны признали равенство, как догмат. Все, кроме русского народа. Поэтому только русские способны восстановить разумную жизнь. Сучку эту надо казнить первой.

- Лемаркович, извини, я устал.

- Не понимаешь, потом поймёшь. Бабы, бабки... Видишь, как она поступает?! Казнить – огрызается сосед. Лемаркович гонит и пьёт и исключительно самогон, утверждая, что в магазине одна химия, а это своё – экологически чистое.

Воду дают почти сразу, свет появляется через час. У меня ещё половина бутылки, и завтра никуда не нужно. Хорошо! Снова стук в дверь. Открываю. На пороге полная измученная женщина лет пятидесяти. Тяжело дышит.

-Где она?

-Кто?

-Эта мошенница? – кивает на квартиру блондинки.

- Я не знаю.

- Оказывается, это уже третий у неё. Вот где и когда, скажите, они успели расписаться? Как они это делают?

-Вам плохо? Может, воды?

-Ничего не надо, вода с собой (женщина приподнимает сумку). Это вилдаглиптин виноват - отечественный, с «Озона». Не помогает ни черта. А импортного нет. Диабет у меня, а сахар понизить не могу. Видимо, там мел вместо активного вещества. Импортозамещение такое в стране.

- Понимаю. Вы пишете на неё заявление в прокуратуру, пусть они разбираются. Скандалить опасно, она ведь и подставить может. Сами будете виноваты.

- Вы правы, хорошо, спасибо Вам.

Несчастливая женщина, пытаясь, растворяется в лабиринте лестничной клетки.

В планах на субботу у меня пересмотр всех четырёх частей «Охотников за приведениями». Почему я люблю пересматривать старый Голливуд? Просто мне нравится та жизнь, их одежда, быт, мировоззрение. Я тогда был совсем маленьким, но очень люблю эту эпоху. Для меня это не просто фильмы, это другой мир. Вот где сейчас купить такой тёмно-зелёный плащ, как на героя Билла Мюррея во второй части «Охотников»?

Ближе к обеду стук в дверь. Надо починить звонок. Смотрю в глазок, там соседка с пакетами в руках. Открываю.

-Пришло время веселиться! – восклицает расфуфыренная пигалица. Короткий монолог явно отрететирован.

-Пошла нах-й восемь раз, – отвечаю ей с доброй улыбкой и закрываю дверь прямо перед её носом. Смотрю в глазок.

- Урод, п-дар вонючий, – обиженная дрянь уходит к себе.

В воскресенье, решив, что нужно прогуляться, одеваю лучшую одежду. После проведённого у телевизоров субботнего вечера граждане выползают за пивом. Завтра всем на работу, и крепкое в большинстве семей отменяется. Весь вчерашний вечер для них орали ведущие вызывающих омерзение, заказных программ: «Хохлы – унтерменши, Украина – не страна, наши мальчики – герои!» Есть ещё один вид заказухи, когда разоблачают ставшего неудобным режиму чиновника или коррупционера. Его скормливают народу, распластавшемуся у плоских экранов.

В конце дома сияет очень дорогой китайский внедорожник, рядом с ним знакомый охранник из первого подъезда, что всё время пытается заговорить.

- Оооооо, приветик, пижон. Ты всё на своей Весте?

Улыбаюсь и подаю руку.

- А я вот. Жизнь удалась. Теперь никто не скажет, что я неудачник.

- Поздравляю.

- Ага. С такой тачкой все тёлки мои. Слушай, тысяч пять не займёшь?

-Нет, дружище, откуда у меня деньги, я ж простой чиновник?

Ухожу, понимая, что мужик влез в неподъёмный кредит, который будет выплачивать до конца жизни. Возможно, ежемесячный платёж равен его зарплате. Бедняга, чем же он будет питаться? «Жизнь — обман с чарующей тоскою,» - так писал Сергей Есенин. А ведь ему было грех жаловаться, у него было всё – известность, талант, удача. А что делать таким, как этот, как эта жалкая юная мошенница, как большинство? Этот тупой сериал не выключить по щелчку.

Доезжаю до центра. У нас красивый город, хотя мне ближе западные города нашей недоимперии с их замками и оттенком готики. Здесь же - приземлённый купеческий модерн и приземлённые люди. Разнообразное в этническом плане: татаро-чухонское Поволжье производит неплохих на вид самок и очень некрасивых самцов, а осень - лучшее время.

Из-за поворота выезжает странный автомобиль. На багажнике картонная конструкция в виде ракеты с надписью: «На Вашингтон!» Это секта «НОД», сейчас будут раздавать листовки с призывами уничтожить Европу и Америку. От них нужно держаться подальше. Культ геноцида свёл с ума большинство жителей этой страны, а говорят, что индуцированный бред сильно заразен. Мой дядя когда-то давно продал дам, вложил все средства в МММ, а потом повесился. Я родился в перестройку и не помню тот самый Совок, но понимаю, насколько сильно переболели им люди, что опускаются до самых лютых форм ностальгии, понимаю, как режим эксплуатирует их красную тоску и образ вождя.

Покупаю на рынке соленья, в магазине - живое пиво и еду домой, размышляя, что буду пересматривать из классики Голливуда...

Следующая неделя принесла мне много сюрпризов. В понедельник вечером пришли из следственного комитета – соседка написала заявление об изнасиловании. Пришлось молодым парням демонстрировать видеозапись с ноутбука. Им было настолько интересно, что, уходя, они пожали мне по очереди руку. Да, в сексе я неплох, несмотря на возраст. Хотя, какой там у меня возраст, всё ещё впереди. Закрыв дверь, я услышал, что они предупреждали пустышку-мошенницу про ответственность по статье 128.1 за ложное обвинение.

Ночью в подъезде раздаётся страшный женский крик. В страхе одеваюсь и выхожу на площадку. На кафе с пробитой головой лежит соседка. Кровавые волосы разметались по полу, тело бьётся в конвульсиях. Я впервые вижу смерть и понимаю, что эта сцена навсегда останется в моей памяти. Дальше всё как в тумане. Появляются соседи сверху и

снизу. Кто-то то вызывает полицию, кто-то пытается достучаться до Лемарковича. Руки дрожат, во рту пересохло. Полиция узнаёт, что у меня с соседкой был конфликт, и допытывается, где топор. Меня запикивают в тесную заднюю часть автомобиля УАЗ и везут в так называемый обезьянник. Обыскивают и отводят в отгороженную арматурой казённую клетку, стены окрашены тёмно-зелёной эмалью, чёрные доски скамьи отполированы штанами арестованных. Я один. Приходит толстый полицейский и, глубокомысленно улыбаясь, ставит у клетки швабру. На полу несколько бурых пятен. Чувство сильного страха и паники, но я бахвалюсь – ложусь на скамью, кладу куртку под голову и делаю вид, что отдыхаю. Ждём следователя. Наконец прибегает маленький стриженный дурачок лет тридцати пяти в рубашке «поло», на поясе кобура. За ним возбуждённый толстяк в форме. Сразу начинают «колоть»:

- Значит, так: на явку с повинной это не тянет, но признательные показания, сам понимаешь, зачтутся в суде. Так что там у вас с соседкой произошло? Топор где?

- Я беру 51-ю статью.

Удар в солнечное сплетение, боль за грудиной, перехватывает дыхание. Это толстый. Быстрый оказался боров. Следователь орёт:

- Видел там швабру в коридоре, п-дор? Это твоя, п-дор, твоя! Ты понимаешь, что ты вдову героя замочил?! Это 205 УК, пожизненное!

Да что же они все так помешаны на анальном сексе.

- Вы допросите тех, кого она кинула, этих... героев СВО...ууу

Они переглядываются.

- Ты будешь признаваться, мразь?!

- Нет, не буду, 51-я статья. Я хочу своего адвоката.

- Горев, ко мне! – орёт лысый дурачок в коридор, – в обезьянник его, на сорок восемь часов! В туалет не водить! Есть, пить не давать!

Меня уводят, швабру убирают. Ложусь на скамейку, боль постепенно уходит. Понимаю, что признаваться нельзя, тогда через сорок восемь часов меня выпустят. Днём подходит сутулый Горев и приносит грязный стакан с водой:

- На, пей. Сейчас никого из них нет, все разъехались, ты в туалет хочешь?

- Конечно, хочу.

Он ведёт меня в туалет. Никогда не думал, что стакан воды и возможность справить нужду могут быть настолько желанны. Успеваю перехватить пару глотков из крана. Ночую в обезьяннике. Очень жёстко, тело болит, во рту помойка и ощущение безысходности в голове. Понимаю, что утром снова будут «колоть».

Утром уже другой дежурный открывает дверь и объявляет, что я свободен. Я счастлив! Реально счастлив! Пытаюсь узнать у дежурного, что случилось, но он угрюмо молчит. Беру такси, у дома судачит толпа. Все смотрят на меня. Поднимаюсь в квартиру, расплачиваюсь с таксистом, благодарю его. Поворачиваюсь к соседям, они таращатся на меня. Я улыбаюсь, и тучные соседки начинают охать.

Оказывается, утром были убиты ещё две женщины из элитных квартир. Прямо на улице – около своих дорогих иномарок. Убийцу взяли сразу, им оказался Семён Лемаркович. Старик сразу же дал признательные показания. На днях он узнал, что у него четвёртая стадия рака печени – допился бедолага экологически чистого самогона. И он, поняв, что терять ему уже нечего, решил исполнить свой, как он считал, социалистический долг перед Сталиным. Эту чушь он нёс потом на суде.

- Дорогие мои, как я рад вас видеть, – говорю я соседям и плетусь к себе на этаж, где я остался один. Завтра на работу, надо успеть прийти в себя.

2

Не могу сказать, с каким нетерпением я жду выходных. Нет, я и на работе счастлив, но теперь я точно буду использовать каждую минуту жизни! Вы не представляете, какая это радость – ваша рутина. Попадите в передрыгу, и будете ценить все удобства, что предложило вам общество потребления. Я листаю ленту мероприятий по городу в надежде найти что-нибудь подходящее, но ничего интересного не попадает, хотя я готов пойти даже на детский спектакль. И вот в соцсетях нахожу что-то интересное. В каких-то интеллектуальных группах рассылается приглашение на мероприятие общества «Шестая колонна». Смелое и оригинальное название. Пишу в личку организаторам, пытаюсь доказать, что я свой. Приглашение получаю на следующий день. Всё! Пятница! Можно напиться.

Мероприятие «Шестой колонны» проходит в какой-то исторической помойке, замаскированной под винтажную халабуду. Все курят и пьют дешёвое пиво. Я на такси, поэтому тоже пью. Ждём выступающих. Почему-то вспоминается фильм «Супер 8» 2011-го года, названный в честь камеры «Супер 8» и 8-и миллиметровой киноплёнки, на которую снимал свои детские работы Спилберг. Видимо, из-за отсылки интерьера к аналоговому прошлому. Да, винтаж сейчас в моде. Кто-то тыкает меня в спину, оборачиваюсь – сутулый Горев в штатском.

- Дружище, как я рад тебя видеть! Ты что, со следственными мероприятиями?

- Ни в коем случае, я с вами, – таинственным голосом говорит Горев.

- С кем с нами, брат?

- С ними, с «Шестой колонной», с оппозицией, с Украиной.

Горев кивает в сторону сцены, на которую выходит первый выступающий. Это писатель Шамович, антиимперец – поясняет мой новый знакомый.

Зал замирает, высокий мужчина в обвисшей шляпе подходит к микрофону. Он рассказывает о том, что до захвата Рюриками-Русью огромных лесных территорий в этих местах проживали так называемые племенные союзы финно-угорских народов. Что это были ранние демократические государства без войн и диктатуры, а управлялись они в основном собраниями старейшин. Что Рим в своё время так и не распространил своё влияние на Залесье, и в этих местах процветали торговля, искусство и любовь. Что официальные летописи начинают повествование с прихода захватчика Рюрика, а древняя история замалчивается.

Потом он читает рассказ, действие которого начинается в северных землях древней Ладogi. Герои – готландцы Сигурд и Бьёрн - приплывают сюда с единомышленниками и начинают возводить дома. Сигурд влюбляется в местную девушку из племени водь по имени Линту, что означает птичка. А Бьёрну снится сон, что в Залесье ждёт его девушка из племени меря и, собрав один из кораблей, он с командой предпринимает поход по пути из Варягов в Греки в земли племенного союза мерян, где царит благоденствие. Он находит свою любовь и возвращается в древнюю Ладогy, которая уже превратилась в крупное поселение. Там он видит мерзкого мальчишку по имени Рюрик, который обижает других детей. Естественно, выступающий срывает аплодисменты. Какое-то время стоит, наслаждаясь успехом. Кто-то кричит «Свободу Ингрии!» Кто-то «Свободная Мерьямаа!» Я начинаю понимать, что попал к так называемым сепаратистам. Сутулый Горев в восторге, того и гляди с его тонких губ сорвётся сепаратистский лозунг.

Вечер потрясающий – что-то новое и интересное. Безусловно, эта запрещённая тема в подаче таких ярких людей должна обрести адептов. Впрочем, государство так жестоко подавляет любое свободомыслие, так что стоит много раз подумать, прежде чем решиться скачать книгу «Без Рюрика». И вот мы идём с Горевым по освещённой фонарями улице, он пытается меня развлечь, пересказывая полицейские будни.

- Позавчера королеву притона убили, а вместе с ней почти весь притон.

- Это как?

- Девушка очень любила секс, как выяснилось, с пятнадцати лет во всех известных притонах побывала. Потом познакомилась с героем СВО на ранении. Расписались. А как только он снова ушёл воевать, опять в притоны подалась. Ну эти вечеринки свингерские на квартирах. Через шесть месяцев наш герой получает отпуск и решает сделать молодой жене сюрприз. Так получилось, что он за ней до дверей хаты проследил. Там по паролю впускали. Ну он пароль подслушал, входит, а там толпа голых мужиков и две бабы, одна из которых - его молодая супруга. Спокойно проходит на кухню, берёт нож и начинает резать свингеров одного за другим. Визг на весь микрорайон. Приезжаем мы. В общем, мы такого никогда не видели. Голые мужики все в крови ползут по подъезду, волоча кишки, внутри - трупы с отрезанными половыми органами и наш герой своей жене голову отделяет.

- И что ему теперь будет?

- Ничего не будет, отдохнёт в камере, пока всё оформят, потом опять на СВО. Приказали хорошо кормить.

Благодарю Горева за компанию, мы обмениваемся контактами и расходимся по домам. Кажется, у меня завёлся дружок-мент, к счастью, мы оба не курим.

В пятницу снова получаю сообщение. Горев зовёт меня на какое-то мистическое мероприятие. Что ж, это интереснее, чем детский спектакль.

В субботу около одиннадцати часов встречаемся на том же месте, где расстались неделю назад. Мероприятие через час. Успеваем дойти, поскольку все тусовки проходят обычно в объектах культурного наследия, сконцентрированных в историческом центре и обжитых неизвестно какими личностями. В спальных районах все эти фрики были бы слишком заметны. Каждый из них готов взять на себя роль новоиспечённого гуру или

даже мессии. И вот дом, как дом. Где-то конец 19-го века. Стекаются бедно одетые личности, в основном за пятьдесят, некоторые ведут детей. В комнате кругом портреты Сталина, есть даже аутентичные, явно прижизненные изображения. У некоторых портретов стоят свечи. Из-за старой занавески появляется невысокий остроносый человек. Одет по-простому, никаких элементов культа. «Это пророк Юрьич,» - шепчет Горев.

- Здравствуйте, товарищи! Сегодня мне приснился сон. Я нахожусь в кузнице, помещение большое и, видимо, не одно. Я там просто присутствую. Ко мне подходит молодой мужчина. Я думаю, что он ищет кого-то из кузнецов, а он говорит: Вас просят выковать семь кинжалов на металлической ленте вряд. Я говорю, что не занимаюсь ковкой. Но он настаивает. Тогда решаю попробовать. Мне очень интересно, внутри чувство неизведанного. Однако процесса я не вижу, в руках появляется готовое изделие – один из кинжалов. Мужчина хочет передать его заказчику, но я настаиваю, что передам сам. Взгляд гостя становится испуганным, и он шепчет: «хорошо». И тут ко мне идёт в простой одежде Иосиф Виссарионович Сталин.

На последних словах пророк Юрьич повышает голос, и все начинают кричать: «Слава! Слава!» Потом бедно одетая девушка в синей юбке начинает очень красиво петь: «Чуть седой, как серебряный тополь он стоит, принимая парад. Сколько стоил ему Севастополь? Сколько стоил ему Сталинград?» Люди начинают подпевать, пророк Юрьич поочерёдно зажигает свечи перед портретами вождя.

- Я вручаю ему кинжалы, обернув в золотую фольгу, и говорю: «Иосиф Виссарионович, я хочу Вас отблагодарить». Он спрашивает, за что. «За то, что благодаря Вашим кинжалам я открыл в себе способности, о которых раньше не знал!»

Юрьич снова повышает голос на последних словах (видимо у всех ораторов общие приёмы), в комнате охают и кричат: «Слава!». Женщины подводят детей (скорее всего внуков). Пророк Юрьич возлагает руки на их головы. В глубокую тарелку наливается хвanchкара – любимое вино Сталина. Юрьич даёт пить всем, кто по-очереди подходит к... получается, это причастие?!

- Что обещал Мессия евреям? – восклицает «пророк».

- Вернуть им Израиль, – отвечает толпа.

- Кто вернул им Израиль? – восклицает «пророк».

- Сталин, – отвечает толпа

- Кто есть Мессия?!

- Сталин!

- Кто есть Сталин?!

- Мессия!

- Кто его апостол?

- Ты, Юрьич! Ты апостол! – беснуется толпа.

Я шепчу Гореву: «Лемаркович, он...?» «Да, из этой секты, там эйфоретики в вине, хочешь попробовать? Я сейчас попробую,» - отвечает мент и пробирается к заветной

тарелке. Я за ним. Вино действительно очень хорошее. Через какое-то время приходит чувство удовольствия и раскрепощения. Мы смеёмся. В организме явно избыток дофамина. Ай да Юрьич, ай да пророк! В конце сталинослужения мы жертвуем деньги и выходим на улицу. За такое шоу, да ещё и с угощением, не грех и заплатить.

Потом мы идём в кафе и тихо под пиво обсуждаем политику в стране. Горев говорит, что Лемаркович лишь жертва пропаганды, что виноват телевизор, который свёл его и всех этих людей с ума, что он полностью на стороне Украины. Что наше государство - это машина для примитивного рекета, просто банда. Я соглашаюсь и говорю, что с удовольствием бы помог украинцам в их борьбе, но не знаю как. Горев интересуется, когда у меня отпуск. Наверное, что-то планирует. Отвечаю, что через две недели.

Я благодарю Горева за компанию, и мы расходимся. Завтра у меня снова ретро-кинозал. К тому же упало сообщение, что наконец-то пришёл редкий винил «Delusion» швейцарской группы «McChurch Soundroom». Нужно закупиться крафтовым пивом. Я отмечаю, что с того момента, как Горев принёс мне в «обезьянник» стакан воды, моя жизнь изменилась.

3

Скучный вторник. Иду в департамент за очередным согласованием. Он находится рядом с нашим учреждением. Холодно, но здесь на маленькой улочке есть кафе, где всегда горячий чай и приличная восточная кухня. Заказываю у нерусского паренька шаурму и кофе. Сажусь за столик и начинаю смаковать. В кафе пусто, за исключением полной женщины за соседним столиком: «Проклятая Хохляндия, – бурчит мясистое существо, – такое же ожидает и чурок. Нужно напасть на Европу. Скандинавию махом бы взяли, Финляндию, превентивный удар по НАТО, по всей Европе. Маленькая Европа просто густо населена, одну ядерку скинет Путин и всё, им хана. Всю Азию – Кавказ, Афган, Пакистан, Азербайджан, Иран, Ирак. Полное уничтожение Израиля, Палестины, Сирии. Уничтожить кавказцев и вообще всех чурок».

Я смотрю на парня за прилавком, он на меня, мне стыдно, кусок встаёт у меня в горле. Сначала решаю использовать перцовый баллончик. Однако делаю глоток - кофе всё ещё горячий. Камер вроде нет, а если и есть, парнишка наверняка сотрёт запись. Подхожу к женщине и выплёскиваю всё содержимое стакана ей в лицо. Она жутко кричит. Быстро выхожу из заведения. На этой улочке камер точно нет, но я всё же накидываю капюшон дорогой парки и расправляю мех.

В пятницу снова звонит Горев, предлагает встретиться за городом и посмотреть на древнее городище. Говорит, что проедем на его полноприводном «Соболе». Настроение улучшается. В субботу в одиннадцать встречаемся за городом. Я паркую «Весту». У Горева новенький, забрызганный осенней грязью бортовой грузовик «Соболь» с тентом. Запахан так, что не видно номеров. Он в парке «Canada Goose». Круто. Едем по грунтовой дороге до леса. В лесу какой-то странный подъём, пешком мы карабкаемся вверх и оказываемся на высоком холме, внизу ручей. Мы стоим на уровне деревьев, Горев рассказывает, что это финно-угорское городище, потому что русские – не славяне, а финно-угры. Я понимаю, что он в чём-то прав, поскольку у меня самого предки из Украины, и я сильно отличаюсь от русских. Оказывается, Горев тоже по матери украинец.

Городище впечатляет. Через полчаса спускаемся вниз, и тут случается то, что чего я ну никак не ожидал.

Моё приятель расшнуровывает и откидывает тент кузова, подсвечивает «Айфоном», а там под наклоном стоят два крылатых... дрона! Я таращу глаза.

- Это «Бобр, аналог Шахед 131,» - с гордостью объявляет Горев.

- А это что? – показываю я на какие-то рельсы в кузове.

- Это катапульта, с неё очень удобно запускать данное средство.

-То есть прошлая атака?

-Да, это мы. Эти самолётики запросто пролетят тысячу километров, но чем дальше путь, тем выше вероятность обнаружения.

- Ты номера заляпал потому что не доверяешь?

Мой друг улыбается.

- Ты вот так просто с ними едешь?

И действительно, на обратном пути нас останавливает ГИБДД, и моё сердце уходит в пятки. Но Горев показывает свой ментовский «аусвайс», и нас сразу отпускают.

- Если хочешь помочь, я возьму тебя с собой. Чтобы их быстро вытащить, установить, навести и запустить, нужны ещё люди. Через неделю у тебя отпуск, подумай, я позвоню и, если согласен, договоримся.

Последняя неделя перед отпуском. Я как на иголках. Время растягивается словно вонючая резина, от которой несёт так, что хочется свалить на свежий воздух. Но вот – его звонок. Я, конечно, согласен. Встречаемся в субботу на старом месте. От волнения я весь дрожу. Замечаю, что камер на этом месте нет. Возможно, всё неслучайно. Он задерживается на десять минут.

- Значит так, дружище, в понедельник вечером мы с тобой встречаемся за городом в том же месте, что и неделю назад.

- А сегодня?

- А сегодня мы тебя проверили, я же не просто так задержался.

Он кивает в сторону двора, оттуда, улыбаясь, машут руками два человека и скрываются в глубине арки.

- Ну что, идём пить пиво? Ты же не на колёсах?

- Нет.

Мы заходим в кафе, он извиняется и просит осмотреть мою одежду на предмет «жучков». Я охотно соглашаюсь. Время обеда, он заказывает нам обоим мясо и хорошее пиво. Позже красное вино. Общаемся тихо. Мы не говорим о предстоящей акции, но он много рассказывает про «банду» Путина и нелестно рассуждает о поколении совков, их имперские амбиции и ненависть к нормальным народам. Не удержавшись, я рассказываю случай с женщиной в кафе. Я понимаю, что он меня вербует, но это лишнее, я и так уже

согласен. Горев оплачивает счёт, и мы расстаёмся. За мной идёт один из тех, что был в арке. Это нормально, пусть ещё проверят.

В воскресенье я упаковываю одежду, документы, ценные предметы. Сношу их в машину. Убираю из компьютера ненужную информацию, переписываю пароли и основные телефонные контакты в блокнот, выхожу из всех ресурсов, стираю историю. Спускаюсь к почтовым ящикам, беру платёжки за коммуналку, оплачиваю на два месяца вперёд. Звоню непосредственному руководителю, предупреждаю, что решил уехать на пару недель. Он отвечает, что дёргать не будет, всё равно делать нечего. Звоню родителям, говорю про отпуск. Мать хочет, чтобы я заехал, говорю, что, возможно, после поездки. Справляюсь, не потеряли ли второй комплект ключей от моей квартиры. Всё нормально, мать обещает, что зайдёт полить цветы.

Вдруг меня словно осеняет. С трепетом я набираю номер, который помню до сих пор, и слышу её удивлённый голос. Герда даже не сменила номер. Мало того, она так и не вышла замуж, а ведь сейчас ей почти тридцать. Красивая, весёлая образованная полувейка, о такой можно только мечтать. Почему она одна?! И почему она переехала в Тамбов – в арендуемую квартиру? Я был в Тамбове, это ужасное место. Мы долго болтаем. Мне льстит такая реакция на мой звонок. Это трогательно.

Понедельник. Скоро сумерки. Приходит сообщение в мессенджер: «Пора навестить друзей». Выезжаю. Встреча. Горев даёт мне простой кнопочный телефон. Туда вбит его второй номер. Вынимаю сим-карту из своего айфона и выключаю его. Пересаживаюсь в Соболев.

В ранних сумерках мы въезжаем на холм, там ещё три таких же автомобиля. Вдалеке виднеется ГРЭС. Нас шестеро диверсантов. Разложить катапульты, вытащить и установить дроны не так-то просто. Ребята крутят ручки натяжения, жужжат моторы, оператор уточняет координаты цели. И вот три первых самолётка взмывают в воздух, и наши сердца вместе с ними. На секунду мы застываем, любуясь зрелищем, но надо срочно устанавливать следующие. И вот ещё три самолётка в небе. Как они прекрасны! Аппараты летят по заданным координатам, но на финальном участке можно использовать оптические головки самонаведения и сенсоры для точного захвата целей – энергоблоков ГРЭС. Наконец, взрывы и красное зарево – смертоносные самолётки попадают точно в цель. Мы загружаем в машины и разъезжаемся в три направления.

- Через две недели позвони мне на новый номер, слышишь? Мы уже будем знать обстановку. Куда едешь – не спрашиваю. И ещё вот, возьми. Мы воюем за идею, но всё же возьми (он суёт мне пухлую пачку долларов). Может, скрываться придётся и всё такое. Ну, до встречи, брат. Слава Украине!

Я выезжаю за город и беру маршрут на Тамбов. Что я испытываю? Да это просто не описать! Я тот самый герой, которому весь свободный мир говорит: «Слава!» У меня куча денег. Я впервые в жизни сделал что-то важное, что-то действительно крутое. Я еду через погасшие деревни и посёлки: «Хотели Киев за три дня? Польшу и Европу атомной бомбой?! Ну, получите теперь! Вау!»

Всё же на подъезде к Владимиру начинает клонить в сон, и я снимаю гостиницу – самый дорогой номер. Собственно, это единственный свободный номер. Делаю дежурный комплимент блондинке за стойкой и иду спать. В холодильнике пиво и закуска – за это

нужно будет заплатить отдельно. Принимаю душ и выпиваю всё пиво. Пытаюсь освоить, как выставляется будильник на допотопной «звонилке». А, вот. Ставлю на семь утра.

Просыпаюсь в прекрасном настроении, чищу зубы и слышу стук в дверь. Это сменилась вчерашняя блондинка: «Давай быстрее, сейчас муж придет!» Понимаю, что лучше воспользоваться доступным существом, ибо иначе могут быть проблемы. Занимаемся любовью, она хочет, чтобы я закончил ей в рот. Так и делаю. Она утирает губы, на пальце обручальное кольцо.

Итак, через восемь часов я буду в Тамбове, и где-то с час по городу, ибо и навигация, и мой «Айфон» отключены. Почти успеваю.

Вот уже проезжаю Рязань. Нужно перекусить. Позади прижимается и сигнализирует фарами какой-то китайский внедорожник. Видимо, требует пропустить, но как? Рисково обгоняет и прижимает меня к обочине. Всё понятно, очередное русское быдло решило покачать права. На этот случай у меня баллончик «Шпага». Выхожу. Ага, мои номера забиты грязью. Машин на дороге, кроме наших, нет. Толстое существо вываливается из «китайца» неизвестной мне модели: «Ты о-уел?! Аааааай б--дь!» Я без разговоров распыляю в него весь перец. Потом резко и сильно бью в висок, он падает. Я заглядываю к нему в салон, срываю и забираю видеорегистратор. Глаза немного щиплет – облако перца задело и меня. Отъезжая, думаю, что получилось просто замечательно. Я снова доволен собой. На всякий случай наматываю на лицо шарф. Еду дальше без обеда, только кофе с булочкой на заправке.

Наконец-то Тамбов. Уже нет сил. На удивление быстро нахожу нужную контору, и тут же вижу её.

- Герда! Герда! Прости. Я без цветов!

- Этого не может быть! Это мне снится, да? Почему ты небрит?

- Я хочу отпустить бородку.

- Тебе пойдёт.

- Герда, давай сделаем мерзкого выродка, который будет нашей копией и вынесет нам мозг в переходный возраст. Он будет считать нас отсталыми и бубнить, что мы всё делаем неправильно. Если в этой стране всё рухнет, мы уедем в заброшенную деревню и заведём корову. Ты согласна?

- Она кладёт мне голову на плечо, и одинокая слезинка падает на моё запястье.

Постскриптум.

Проходит неделя, и я звоню на новый номер Горева. Он говорит, что в Багдаде всё спокойно. Тогда звоню на работу. Мой руководитель спрашивает, почему я был вне доступа. Отвечаю, что потерял телефон и разъясняю что и где искать. Потом вставляю сим-карту в айфон, обрушивается поток новостей из оппозиционных каналов. В том числе много пишут про успешную атаку украинских дронов на нашу ГРЭС. Ещё через три дня мы с Гердой возвращаемся в наш город.

Выходим из машины. Сосед – охранник помогает какой-то шлёмдре на каблуках выползти из своего дорогого «китайца». Он счастлив. Я тоже. Любовь правит миром. И я знаю, что, Горев мне обязательно позвонит.